

КОННОТАЦИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ О НЕЙ: К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ И СТРАТИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

В. М. Никонов

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2011 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка критики терминосистемы, описывающей коннотацию. Стратификация рядоположных терминов, используемых в современной лингвистике, часто неадекватна научному познанию.

Ключевые слова: коннотация, микрокомпоненты коннотации, терминология, научное познание, прикладная сфера.

Abstract: the article presents critical analysis of the linguistic terms used in the research of connotation. The author argues that the stratification of similar terms is often inadequate to the linguistic knowledge.

Key words: connotation, microcomponents of connotation, terminology, scientific cognition, applied science.

Знакомство с большим количеством теоретико-эмпирических работ по проблемам коннотации, ее микрокомпонентов значения с привлечением материалов из разных, сопряженных с языкознанием наук, а также различных методов исследования, включая контрастивный (сопоставительный) подход, заставило нас вновь возвратиться к ряду спорных вопросов, которые мы попытались разрешить в нескольких наших статьях, в частности «Общетеоретические и прикладные проблемы коннотации» [1, с. 5–13].

Непосредственно к написанию статьи побудили нас два интересных источника – объемная работа Н. В. Перцова «О точности в филологии» [2] и фундаментальный сборник «Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума...» [3].

В Предисловии к этому изданию, подробно рассматривая научную значимость философии термина, редактор в конце перечня указывает на самое существенное: «Наконец, главное значение философского рассмотрения термина заключается в следующем. Мы осознаем, что термин одновременно принадлежит как *знанию*, так и *познанию*. Будучи именем понятий, термины формируют терминосистему. Терминосистемы фиксируют знание и тем самым стремятся к устойчивости. В них понятия, выражаемые с помощью терминов, становятся своего рода конструктами, стабилизирующими систему знания. Термины, формируя знание, осуществляют взаимодействие терминосистем с познаваемой реальностью. Отсюда понятно стремление исследователей конкретных терминосистем изучать их именно в данном аспекте.

Познание же предполагает *движение знания*, т.е. динамическую работу с понятиями. Познание соот-

носится с энергией познания, о которой писали П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев. Оно наводит порядок в терминосистемах. В результате чего неверные понятия отбрасываются из дальнейшего научного рассмотрения и т.п.

С момента основополагающих работ по теории относительности и квантовой механике, сформировавших философские основания термина, прошло несколько десятилетий. Однако философские основания термина до сих пор не получили достаточного развития. Накопление опыта работы в области отраслевого практического терминоведения наталкивает нашу мысль главным образом на то, что каждая из этих областей имеет свою специфику. Философия терминоведения, наоборот, пронизывает предмет терминоведения смысловым единством, соотносящимся с единством познаваемого мира» [3, с. 24–257].

Философия терминоведения с ее универсальным характером и теоретико-прикладной значимостью для исследователей разных профилей имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования, на что указывает следующее высказывание академика Ю. С. Степанова, которое находим в его работе «Семиотика, Философия, Авангард»: «Наша вводная статья имеет заголовок «Семиотика, Философия, Авангард». Это – Семиотика сегодня, это Авангард сегодня, и это Философия сегодня.

Уже здесь, в этой вводной статье, каждая сфера («наука» или «дисциплина») называется в связи с нашей установкой: не «Семиотика», а «Семиотика внутреннего», Семиотика «Внутреннего человека»; не «Философия», а «Философская интуиция ищущего человека»; не «Авангард», а Авангард «Внутреннего человека». И самое главное – это не то, что

разделено «сферами», «дисциплинами» и т.п., а то, в чем реально работает, переходя от одного к другому, ищущий внутренний человек.

Разумеется, мы не претендуем обобщать каждую из сфер, но вот взглянуть на нее глазами исследователя и художника сегодняшнего дня – наша установка. Мы желаем действовать в сфере культуры так, как «оно нам естественным образом обобщается» [4, с. 8].

Следуя советам Ю. С. Степанова, попытаемся рассмотреть под критическим углом зрения теоретическую и прикладную литературу вопроса, определить свою позицию на ряд явлений, фактов, затрагивающих коннотативный (точнее – денотативный/коннотативный) аспекты в дихотомии ЯЗЫК/РЕЧЬ.

В общетеоретическом плане предложим такой ракурс исследования, который отвечает на вопрос: Что дают нам для разрешения взятой проблемы семиотика и социолингвистика у наиболее авторитетных современных ученых? Попутно отметим, что ранее мы достаточно полно осветили вопрос о роли философских трудов в осмыслении коннотации как феномена [15, с. 14–18].

Анализ трудов авторитетнейших ученых показывает, с одной стороны, концептуальность, глубину их исследований, с другой – неполноту состава компонентов коннотации или некоторую ограниченность, оторванность коннотации от функций языка/речи.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

Удачно (учитывая неразрывное единство эмотивного и экспрессивного) определяя «языковые средства эмоционально-экспрессивной функции речи» (а почему и не языка и речи с учетом ингерентности и адгерентности коннотации? – В. Н.), Н. Б. Мечковская называет и эмоционально-экспрессивную коннотацию, и экспрессивно-оценочный компонент значения, дает, однако, в сноске дефиницию *коннотация* с излишне минимальным количеством микрокомпонентов значения коннотативного макрокомпонента, сужая тем самым набор конституирующих признаков рассматриваемого явления:

«+Коннотация от лат. *con* – вместе и *note* – обозначая) – дополнительные эмоционально-оценочные оттенки в значениях слов или грамматических форм, сопутствующих основному (денотативному) значению. Словари указывают на ту или иную коннотацию с помощью таких помет: *неодобрительное, пренебрежительное, бранное, шутовское, ироническое, почтительное* и т.п.» [6, с. 18].

Набор других важнейших элементов коннотации обязателен и для взгляда на решаемую проблему с точки зрения семиотики, где функции языка находятся в состоянии не дискретности, а континуальности, что отмечает сама Н. Б. Мечковская при рассмотрении ею *регулятивной (побудительной) функции*: «При

широкой трактовке регулятивной функции она сливается с коммуникативной и экспрессивной в биокоммуникации, в жестах и мимике, в поведении. Функция воздействия на адресата, – продолжает она, – разумеется, присутствует в религиях и искусствах» [7, с. 236–237 и др.].

Учитывая широкий диапазон прагматического применения анализируемого материала, считаем необходимым остановиться на следующих моментах:

Во-первых, это проблема коннотации и ее микрокомпонентов (далеко не всех перечисленных), поставленная в основополагающей статье А. М. Кузнецова «Этносемантическая составляющая лексического значения в аспекте контрастивного анализа».

«Такого рода переходы с уровня первичных, прямых, «предметных» значений на уровень вторичных, переносных, «качественных», фигуративных значений и употреблений в каждом языке разыгрываются по-своему, отражая тем самым этно-культурное своеобразие лексической семантики.

Говоря о явлениях данного ряда, как можно заметить, я употребляю несколько расплывчатый набор терминов и полутерминов для их определения: «первичное значение» «вторичное значение», «главное значение», «фигуративное значение», «оттеночная коннотация» и т.п. Делается это с целью обратить внимание на проблему системного статуса данных смыслов в языке и на то, как они фиксируются в разного рода лексикографических справочниках...» [8, с. 240–241].

Второе положение, выходящее непосредственно на коннотацию и ее микрокомпоненты: «Очевидно, что сравнение этно-семантических характеристик лексики разных языков – важная часть этно-семантической типологии. Однако ее построение должно базироваться на надежном теоретическом фундаменте. *Прежде всего необходимо разобраться с терминами и исходными понятиями: значение, коннотация, экспрессивность, эмоциональность, оценка и т.п.* (выделено нами. – В. Н.) Во-вторых, этно-семантическая типология должна начинаться с накопления обширного и надежного языкового материала, при отборе и оценке которого следует руководствоваться четкими и недвусмысленными критериями. Ориентация только на словарные данные обрекает исследователя на неадекватность описания. В исследовании этно-семантической стороны языка, очевидно, нельзя обойтись без применения современных экспериментальных методов, связанных с опросом информантов. Последние помогут определить степень системно-языковой закреплённости тех или иных этно-семантических компонентов во внутреннем лексиконе носителей языка...» [8, с. 240–241].

Проблема упорядочения терминологического аппарата, относящегося к коннотации, помимо отме-

ченной ранее в данной статье нашей работы (2008), затрагивалась в двух статьях, опубликованных нами в 1998 и 2002 гг. (см. [9, с. 72–80; 9^а, с. 180–186]), – обе выполнены на сопоставительном материале.

Наиболее полно этно-коннотация в последние годы исследована проф. О. И. Быковой, которая следующим образом видит актуальность всестороннего рассмотрения, этого феномена: и в плане определения лингвистического статуса, структуры, и в плане типологии коннотации [10, с. 4].

Отвлекаясь от хронологической последовательности и имея в виду оригинальность подхода к коннотации, ее видов, условий реализации заложенных потенциальных языковых и речевых потенциалов, назовем монографию Н. А. Фененко. Отмечая новизну подходов к разным проблемам лингвопрагматики, редактор монографии проф. А. А. Кретов указывает на новые грани коннотации, актуализируя наиболее существенные: «Текст воздействует на человека комплексно, то есть не только на сознание (разум), но и на подсознание (чувства) человека. В соответствии с этим *комплексная эквивалентность* должна быть подразделена прежде всего на *экспрессивную эквивалентность*, воспринимаемую сознанием, и *импрессиивную эквивалентность*, воспринимаемую подсознанием» [11, с. 9].

Разделяя эту оригинальную точку зрения в целом, полагаем, однако, что экспрессивная эквивалентность воспринимается, по нашему мнению, не только сознанием, но и чувствами (или экспрессивно-эмоционально, или в отдельных случаях – эмоционально-экспрессивно-оценочно). Анализируя привлекательную концепцию автора монографии, продолжим цитирование: «В таком случае к экспрессивной эквивалентности относятся *денотативная, коннотативная, жанровая, прагматическая эквивалентность*, тогда как на долю импрессиивной эквивалентности остается разве что довольно неопределенная *формально-эстетическая эквивалентность*» [11, с. 9–10].

Примечательно то, что автор монографического исследования особо ставит *проблему изучения импрессиивной эквивалентности* текстов оригинала и перевода, актуализуя важность ритмико-интонационных и графических параметров, а также их фоносемантические и анаграмматические характеристики. Подробнее см. [11].

Можно обратиться и к учебнику «Социолингвистика» В. И. Беликова и Л. П. Крысина [12]. Здесь или имплицитно (см. термин *тональность* на с. 64), или эксплицитно характеризуется исследуемый феномен (на с. 64, 95, 151, 152, 157).

Сначала скажем о термине *тональность*, который связан с коннотацией, ее микрокомпонентами.

«Несмотря на то, что *тональность* (мы рассматриваем ее как вид экспрессии. – В. Н.), на первый

взгляд, кажется такой ситуативной переменной, которая имеет недискретные значения, в действительности говорящие не только отчетливо ощущают различия между официальным, нейтральным и дружеским (фамильярным) общением, но и знают заранее, какая тональность соответствует тем или иным коммуникативным ситуациям» [12, с. 64].

В данном высказывании мы обнаруживаем имплицитно высказанную мысль о коннотации (коннотациях), включающих ведущий микрокомпонент значения – экспрессивность с ее разновидностями.

В этой связи нас убеждают труды ряда известных ученых, которые касаются и сферы речевых актов, и художественных произведений при их глубоком филологическом анализе. В обоих случаях мы имеем дело с такими ипостасными понятиями, как *тональность/тон*.

Так, Т. Е. Янко в книге «Коммуникативные стратегии русской речи», следуя принципу *композициональности* (Partce 1984: 281–314)*, в подстрочнике поясняет, раскрывает его (применительно к интонации, но, на наш взгляд, он имеет перспективу быть ориентированным на языковые структуры разных уровней, взаимодействующих не только в речевых актах, но и обнаруживаемых путем анализа и синтеза в разножанровых текстах. – В. Н.) [13].

К написанному добавим, что С. В. Кодзасов, рассматривая лексему *голос* в нескольких измерениях, пишет об экспрессивных функциях: «Просодическая структура высказывания многослойна: она содержит не только такие традиционно выделяемые интонационные параметры, как тон, громкость и длительность, но и менее известные параметры, характеризующие качество голоса (фонацию) [14]. В последнее время внимание привлекают интегральные артикуляционные установки, которые распространяются на суперсегментные составляющие разной размерности (от слова и далее): горизонтальное положение языка как целого, вертикальное положение гортани, ширина глотки и проч. [14]. Эти признаки выполняют как семантические, так и экспрессивные функции» [14, с. 504].

Как видим, *тон* и его дериват *тональность* как свойства голоса, в силу имманентно присущей им коннотации, выполняют и экспрессивную/образную, и эмоционально-оценочную функции, что представим далее в другом ракурсе рассмотрения.

Слово *тон* «как эстетическое свойство текста (лексема *тон* 2)» связывает с коннотативными ха-

* «Фактически о композициональности коммуникативных значений пишут И.Г. Турсуева (Интонация 1978: 16–17) и Н. Д. Светозарова (1982: 977), указывая на комбинированную коммуникативную и экспрессивную функции интонации» [цит. по: 13, с. 18].

рактическими характеристиками созданного и читаемого текста Г. Е. Крейдлина. Отметим, что, к сожалению, в отдельных случаях им не употреблен инвариант (более уместный) *тональность*.

В суждениях этого автора справедливо в сложном взаимодействии выступают и эстетическая, и экспрессивно-эмотивная функции: «Тон 2, второе “эстетическое” значение слова, обозначает “целостное свойство художественного произведения (то есть сам цвет, звук и т.п.)” причем свойство, “выражающее эмоциональное настроение от его восприятия”. В этом значении слово *тон* прагматично, поскольку выражает совокупный итог, сумму эстетических впечатлений, получаемых или полученных человеком от художественного текста. По этой причине лексема *тон 2* часто выступает в предложении в сочетании с модификаторами *общий* или *главствующий*, подчеркивающими смыслы “уникальности”, “целостности”, “единства” и “важности”. См. примеры употребления данной лексемы: *Эмоциональный тонус слушателей в конечном счете определяется главствующим в данный момент тоном произведения* [16]...

При анализе работ Г. Е. Крейдлина, В. И. Беликова и Л. П. Крысина наблюдается некоторая асимметричность в употреблении терминов *тон* и *тональность*. Применительно к художественному тексту или к текстам других видов чаще, по нашим наблюдениям, используется термин *тональность*, тем более что в одном и том же произведении мы обнаруживаем несколько *тональностей*, иногда контрарных. Ср. *скорбно-лирическая тональность, мрачная/светлая тональность* и т.д.

Обращение к «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов...» под ред. Н. Ю. Шведовой [15, с. 988] подтверждает то, что, во-первых, лексема *тон* более сложно структурирована (5 значений, притом, что очень важно, все они имеют прямые значения. 3-е из них – “оттенок речи, ее звучания”).

Что касается лексемы *тональность*, то 3-е значение имеет помету *перен.* и относится к коннотативной особенности художественного произведения: Основная эмоциональная тональность в художественном произведении. *Оптимистическая т. стиха.* Любопытно, что при характеристике лексемы *тон* мы обнаруживаем онтологически заложенную в ней одну из главных особенностей экспрессии: из франц. *ton*, восх. через посредство лат. *tonus* к греч. *tonos* ‘напряжение, натяжение’.

Продолжим рассмотрение некоторых терминологических неточностей (отсутствие и необходимого термина *тональность*, который в большей степени наделен коннотативными характеристиками: терминологическая лексема *тон* (при отсутствии *тональность* в большом по объему контексте) следующим

образом интерпретируется Г. Е. Крейдлиным: «Как нам, однако, представляется, различие по смыслу между сочетаниями *тон произведения* и *дух произведения* связано вовсе не с собственно прагматическим противопоставлением ‘неопределенности’/ ‘определенности’. Различия между ними лежат в сфере семантики. Хотя оба сочетания выражают идею суммарности, обозначая квинтэссенцию качеств эстетического текста, и не передают каких-то конкретных его свойств, первое из них скорее относится к поверхностному оформлению произведения, к использованию в нем приемов *выразительности* (выразительности – изобразительности – *экспрессивности*. – В. Н.); оно в большей мере ориентировано на план выражения и прямо связано с адресатом произведения, к которому данное произведение обращено. Сочетание *дух произведения* отражает глубинные, внутренние свойства текста: оно отстоит дальше от человека и относится скорее к содержанию и теме произведения, чем к их поверхностному воплощению» [16, с. 486–487].

Выше мы указали на некоторую асимметричность, несколько, на наш взгляд, недифференцированную синонимизацию в отдельных значениях, соприкасающихся в семантике, но различающихся в синтагматическом измерении и коннотативной характеристике терминов *тональность* (В. И. Беликов, Л. П. Красин) и *тон* (в трактовке Г. Е. Крейдлина). Ср. приведенную нами выше работу С. В. Кодзасова «Голос: свойства, функции и номинации».

Подобное диалектическое противоречие, его причины объясняет Г. А. Иванова в статье «О семантической эквивалентности терминологических единиц (на материале метаязыка лингвистики)»: «Итак, исследование семантически эквивалентных терминологических единиц позволяет расширить представления о терминологической синонимии, выявить ее специфические черты, показать многообразие различных типов синонимов в терминологии. Это многообразие дает носителям языка возможность выбора из ряда существующих оптимального термина-синонима. Выбором последнего управляют разнородные и противоречивые факторы, действующие одновременно и связанные не только с собственно-лингвистическими, но прежде всего с прагматическими характеристиками, ориентированными на говорящего (добавим – слушающего и читающего, интерпретирующего сказанное и написанное, напечатанное. – В. Н.), – с речевыми жанрами, профессиональной компетентностью, со стратегией говорящего, стремящегося избежать потери информации, с культурно-историческими и идиоэтническими факторами, с научным мировоззрением (теорией, концепцией, направлением, школой), с особыми терминологическими предпочтениями» [17, с. 189].

Рассматривая изложенный выше конкретный материал, еще раз скажем о некоторой асимметричности, не совсем корректной синонимизации терминов, что объяснимо и с точки зрения одного из ведущих ученых в области терминоведения – С. Д. Шелова.

«Понятие нечеткости (полиморфизма) терминологии и нечетких (полиморфных) терминов в какой-то мере соответствует рассматриваемым в общей лингвистике категориям «неопределенной», «расплывчатой», «смутной» семантики и связанным с ними вопросам континуальности и дискретности в семантике, где эти категории давно освоены в англоязычной литературе. Эти категории передаются терминами: «indeterminate», «ambiguous», «vague», «fuzzy» и т.п.)...» [18, с. 95–96].

Вновь возвращаясь к проблеме коннотации как макрокомпонента значения, обратимся к другим ее сторонам – перечню микрокомпонентов, их иерархичности, к фоновым репрезентациям в системе координат, определенных В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным.

Авторы привлекательной и разнонаправленной концепции при рассмотрении помех в речевом общении (устном и письменном) предостерегают от возможных коммуникативных провалов, детерминированных в том числе и не в последнюю очередь коннотативными факторами: «Однако при общем относительном взаимопонимании – поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку – возможны коммуникативные провалы, обусловленные тем, что внешне сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание: различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т.п.» [12, с. 157]. Ранее, на с. 151, 152 этого издания, авторы обращают внимание и на национально-культурную, и на идеологическую составляющие коннотаций.

Здесь следует заметить, что особое различие наблюдается при идиоэтнических различиях в коннотации единиц языка разных уровней.

Нам представляется, что здесь, во-первых, нет должного перечня составных коннотативного макрокомпонента значения языкового знака, о чем свидетельствует незакрытый ряд предложенных характеристик; во-вторых, в перечне рядоположными оказываются макро- и микрокомпоненты коннотативного значения, очевидно, потому, что авторами не ставилась цель детализации явления, на которое мы обращаем особое внимание.

Знакомство с большим количеством работ, посвященных избранной нами проблеме, открывает новые и отнюдь не оригинальные и глубокие подходы к коннотации, ее терминосистеме.

Так, в книге И. С. Куликовой, Д. В. Салминой «Введение в металингвистику» [19, с. 290] приводится схема:

«↑коннотация (коннотативный компонент ЛЗ)	– дополнительная к денотату часть значения, выражающая эмоциональную оценку (эмотивная К.) или принадлежность слова / значения к той или иной сфере функционирования (стилистическая К.).
эмотивная коннотация	см. коннотация
стилистическая коннотация	«

Полагаем, что для солидного заглавия и издания анализируемый нами материал излишне редуцирован.

Такие важные компоненты коннотативного значения, как эмоциональность (эмотивность), экспрессивность (оценочность), оказываются или отдельно представленными, или взаимозаменяемыми в самом терминологическом аппарате в содержательном словаре-справочнике В. Н. Немченко «Основные понятия лексикологии в терминах»: «*Значение слова экспрессивно-синонимическое*. Лексическое значение слова, в котором преобладает коннотативный эмоционально-оценочный элемент, отличающий данное значение от соотносительного значения другого слова (других слов) в синонимическом ряду, например, значение «много и быстро говорить о чем-либо незначительном» глагола *болтать*.

Значение слова эмоциональное (эмотивное). Коннотативное значение слова, его эмоционально-экспрессивная или стилистическая окраска. «*Эмоциональные и неэмоциональные значения* (слов) различаются в зависимости от того, связаны они или нет с человеческими эмоциями...» Даются ссылки, как и в изложенном выше материале, на видных отечественных ученых.

Может, наиболее корректное определение дается третьему виду коннотативно-отмеченных слов, если не учитывать элиминации экспрессивного «добавления»: «*Значение слова эмоционально-оценочное*. То же, что и значение слова эмоциональное...» Однако добавляется оценочность как компонент коннотации, который разными учеными включается/не включается в ее состав [20, с. 66].

Перейдем к анализу наиболее существенных достижений в области исследований коннотации, состава и структурирования ее микрокомпонентов, адекватного достижениям науки терминологического обозначения всего того, что связано с коннотацией.

Следуя хронологическому принципу, остановимся на статье зарубежного исследователя Бранко Топовича «Соотносительный круг экспрессивности», доминантой, стержнем которой, как видим, оказалась экспрессивность [21, с. 315–326].

В числе работ, которые отражают и наше видение изучаемого явления, в наибольшей степени показательными являются следующие, принадлежащие авторитетным в этой области ученым. Это статья Н. Ф. Алефиренко «Коннотация и прагматика «языка культуры» – многомерная, взвешенная, научно и прагматически ориентированная работа, показывающая разные концепции, полноту и глубину разработки актуальнейшего феномена языка/речи [22, с. 8–26].

Заметим, что достаточно обоснованно и всесторонне статус экспрессивности, спорные вопросы ее взаимодействия с другими микрокомпонентами коннотативного значения отстаивал в своей статье «Образность» как категория филологического описания текста Д. Б. Ольховиков. Несмотря на доминанту статьи «Образность» в самом ее начале, в центре все же оказывается экспрессивность, сочетающаяся и с образностью, и другими (не названными в незакрытом ряду перечня. – В. Н.) составляющими коннотации [23, с. 338 и 339–357].

«Для лингвистических и, более широко, филологических исследований XX века характерно неослабевающее внимание к различным семантико-функциональным, семиотическим, иным аспектам экспрессивно-образного потенциала языка и его реализации в речи...»

Обосновывая свою точку зрения, автор справедливо полагает, что «правомерно считать экспрессию (образность и т.д.) одной из ключевых лингвистических категорий». Вместе с тем он показывает в диахроническом и синхроническом планах сложность разграничения и квалификаций многих явлений, что видно и в его позиции уже на первой странице статьи.

Что же касается во многом оригинальной работы Бранко Тошовича, мы в основном разделяем ее тон и пафос, однако отдельные существенные моменты не совсем убеждают не только нас. Назовем лишь один факт: в параметре 6. *Экспрессивное ↔ коннотативное*, несмотря на убедительность по ряду оснований подобного соотношения, излишне смело и неожиданно коннотативное оказывается у автора «поглощенным» экспрессивным.

Вот доказательная база ученого: «Между этими двумя понятиями разница в том, что коннотация является семантической сущностью, а экспрессия феноменом, выходящим не только за рамки семантики, но вообще не укладывается в дисциплинарные границы, феноменом, который не замыкается в одну область, особенно языка. Иными словами, экспрессивность является более широкой категорией – каждая коннотация обладает экспрессией, но каждая экспрессивность не является коннотацией» [21, с. 323]. Объем статьи не позволяет нам развернуто представить свою аргументацию, наше видение ра-

ционального и, безусловно, спорного в суждениях Б. Тошовича.

В завершение статьи укажем на одно из основополагающих исследований вопросов коннотации, терминологического аппарата – работу О. В. Загорской, занимающейся названной проблемой более 30 лет. В аналитической статье «Еще раз о структуре значения словесного знака» дается глубокий анализ достижений в области изучения макрокомпонента и микрокомпонентов коннотации, всесторонне, с позиций достижений современных наук, с привлечением точно выверенного терминологического аппарата автор возвращается к языковому/речевому кругу, связанному с обозначенной в заглавии нашей работы проблематикой (см. [24, с. 24–32]).

Также скажем, что нами была предпринята попытка критического рассмотрения терминосистемы, относящейся к коннотации и ее микрокомпонентам.

Несмотря на богатые традиции изучения феномена коннотации, она по-прежнему привлекает все большее и большее внимание и в связи с естественным развитием языка, и особенно изменениями в его функционировании в современных условиях России конца XX – начала XXI в.

Актуальность нашего скромного труда нам видится в том, что и в научной работе, и в практике преподавания ряда смежных с языкознанием дисциплин, в справочных изданиях наблюдается не только полифония взглядов ученых, но и неразбериха, хаос в терминологической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонов В. М. Общетеоретические и прикладные проблемы коннотации / В. М. Никонов // Вестник РУДН. Сер. : Лингвистика. – 2008. – № 1. – С. 5–13.
2. Перцов Н. В. О точности в филологии / Н. В. Перцов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 100–124.
3. Терминология и знание. Материалы II Междунар. симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г.) / отв. ред. С. Д. Шелов. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2010. – 361 с.
4. Степанов Юрий. Семиотика, Философия, Авангард / Юрий Степанов // Семиотика и Авангард : антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фешенко, Н. С. Сироткин ; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Акад. Проект : Культура, 2006. – С. 8.
5. Никонов В. М. Коннотация как смысл / В. М. Никонов // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 14–18.
6. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 18.
7. Мечковская Н. Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура : курс лекций : учеб. пособие для студ. филол.,

лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – М. : Издат. центр «Академия», 2002. – С. 236 и др.

8. Кузнецов А. М. Этно-семантическая составляющая лексического значения / А. М. Кузнецов // Язык : теория, история, типология / под ред. Н. С. Бабенко. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 240–241.

9. Никонов В. М. Некоторые аспекты лингвокультурологических проблем перевода (денотативные и коннотативные параметры) / В. М. Никонов // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. трудов. – Воронеж : Петровский сквер, 1998. – Вып. 2. – С. 72–80.

9а. Никонов В. М. Лингвокультурологические проблемы коннотации и ее составляющих в свете традиционных и новых лингвистических парадигм : теоретические и прикладные аспекты / В. М. Никонов // Русистика и современность : лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 28–29 июня 2001 г. – СПб. : Сударыня, 2002. – С. 180–186.

10. Быкова О. И. Этно-коннотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) / О. И. Быкова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – С. 4.

11. Кретов А. А. Предисловие научного редактора / А. А. Кретов // Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка / под ред. проф. А. А. Кретова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 9–10.

12. Беликов В. И. Социолингвистика : учеб. для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – С. 64, 95, 151, 152, 175.

13. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко // Языки славянской культуры, 2001. – С. 18.

14. Кодзасов С. В. Голос : свойства, функции и номинации / С. В. Кодзасов // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 504.

15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2007. – С. 988.

16. Крейдлин Г. Е. Голос и тон в языке и речи / Г. Е. Крейдлин // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 486–487.

17. Иванова Г. А. О семантической эквивалентности терминологических единиц (на материале метаязыка лингвистики) / Г. А. Иванова // Терминология и знание. Материалы II Междунар. симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г.) / отв. ред. С. Д. Шелов. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2010. – С. 189.

18. Шелов С. Д. Еще раз о природе термина и определении понятия «термин» / С. Д. Шелов // Терминология и знание. Материалы II Междунар. симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г.) / отв. ред. С. Д. Шелов. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2010. – С. 95–96.

19. Куликова И. С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – СПб. : САГА, 2002. – С. 290.

20. Немченко В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах. Учебный словарь-справочник / В. Н. Немченко. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. – С. 66.

21. Тошович Бранко. Соотносительный круг экспрессивности / Бранко Тошович // Славистика : синхрония и диахрония : сб. науч. статей к 70-летию И. С. Улуханова / под общ. ред. В. Б. Крысько. – М. : ИЦ «Азбуковник», 2006. – С. 315–326.

22. Алефиренко Н. Ф. Коннотация и прагматика «языка культуры» / Н. Ф. Алефиренко // Славянские языки в свете культуры : сб. науч. статей. – М. : ООО «А Темп», 2006. – С. 8–26.

23. Ольховиков Д. Б. Образность как категория филологического описания текста / Д. Б. Ольховиков // RES LINGUISTICA : сб. статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1999. С. 338–357.

24. Загоровская О. В. Еще раз о структуре значения словесного знака / О. В. Загоровская // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И. А. Стернина и М. А. Стерниной. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 24–32.

Липецкий государственный педагогический университет

Никонов В. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания

E-mail: a_fedorkova@mail.ru (для Никонова В. М.)
Тел.: 8(474) 232-84-21

Lipetsk State Teacher Training University

Nikonov V. M., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching

E-mail: a_fedorkova@mail.ru (для Никонова В. М.)
Tel.: 8(474) 232-84-21